

Я не расстался с иллюзиями

Десять лет назад Александр ГАЛИН немало удивил коллег-драматургов и театралов тем, что поставил по собственному сценарию фильм "Плащ Казановы". И вот второй его режиссерский приход в кино: фильм "Фото", поставленный опять-таки по собственному сценарию, включен в основной конкурс идущего в Сочи Открытого российского кинофестиваля.

— Почему вы, Александр Михайлович, преуспевающий, как многие считают, драматург и театральный режиссер, пошли в кино?

— Преуспевающий? В годы моей молодости "преуспевающим" и называли середняков, умевших устраивать свои литературные и житейские дела. Поэтому я от такого "титула" с благодарностью откажусь и сейчас. Да, раньше ставили мои пьесы и теперь ставят... Главное не количество. Хороших спектаклей по моим пьесам было не слишком много. А насчет "пришел" — я из кино никогда не уходил. И более того, первое, что я написал в своей жизни, был киносценарий. И первое мое литературное произведение, пригодное для употребления, я писал как сценарий для "Ленфильма".

— И когда же это было?

— Очень давно.

— Так давайте заглянем в прошлое?

— Жили мы с родителями и сестрой в Курске. Я из года в год поступал в театральные вузы, но нигде меня не брали. Сначала на актерские факультеты, потом повзрослев, стал поступать на режиссерские. В конце концов попал в Институт культуры в Ленинграде, куда приходили изгои, мечтавшие пробиться в театральный институт, стал учиться режиссуре. Это во многом определило мою литературную судьбу. Когда я в 1973 году окончил Институт культуры, а учился у прекрасного театрального режиссера, большого мастера провинциальной сцены Владимира Галицкого, меня по распределению отправили в город Сланцы Ленинградской области. Это так называемая "химия", и я там стал режиссером местного народного театра. Играли у меня высланные на 101-й километр. Жизнь многое добавила к моим курским впечатлениям, отсюда довольно долго я черпал материал для своих пьес — таких, как "Звезды на утреннем небе"... Летят перелетные птицы" и так далее. Работал в детской колонии, что-то там ставил с ребятами.

— А в промежутках между поступлениями чем занимались?

— Работал актером в Курском областном кукольном театре — играл козлов, волков, горынычей. В общем, везде, где требовались мужские голоса, на которые был большой спрос, поскольку зарплата в театре была символическая.

— А вы, значит, не нуждались? Вам хватало?

— Хватало и не хватало одновременно. Папа работал на заводе обыкновенным электриком, мама была домохозяйкой. Я, кстати, ушел из школы в 14 лет и четыре года работал на заводе, в инструментальном цехе, долбежником, долбил металл на специальном станке. Я был по-своему уникальное дитя, и по национальным параметрам...

— В каком смысле?

— В смысле еврейский мальчик и вдруг работаю, да еще в инструментальном цехе. Ко мне очень хорошо

относились. Наверное, из-за отца — он работал на заводе многие годы, его все знали и уважали.

— И почему вдруг захотели стать актером?

— Сколько себя помню, я все время что-то представлял, любил смешить людей и хорошо их показывал. Может быть, еще и поэтому ко мне хорошо относились. Артист! Когда стал старше, даже участвовал в концертах, выступал в институтах, на танцевальных вечерах.

— А когда обнаружилась способность писать?

— Сыграло, наверное, свою роль то, что мне очень повезло с другом детства, Вадимом Корнеевым, он и сейчас мой самый близкий друг, поэт, живет в Курске. Его отец — прекрасный русский поэт военного поколения Николай Корнеев. Светлая ему память. Я, можно сказать, жил в их доме, куда часто захаживали многие литераторы, а Вадик постоянно бывал у меня. А в то время в Курске жил Валентин Овечкин, потом появился Евгений Носов, прекрасный русский писатель, приезжал Виктор Астафьев. Мы с Вадимом крутились возле них, нас могли послать за закуской (они, фронтовики, мощно выпивали), слушал их разговоры и впитывал, впитывал... У Корнеевых была большая библиотека. И я стал приобщаться к великой русской литературе. Лет с шестнадцати мы с Вадиком стали ходить в Курскую областную библиотеку, там были у нас знакомые девочки — и они нам почему-то давали книги из спецхрана. Так что еще тогда я прочитал запрещенного Бабеля, Булгакова, Пильняка, всю "Красную новь".

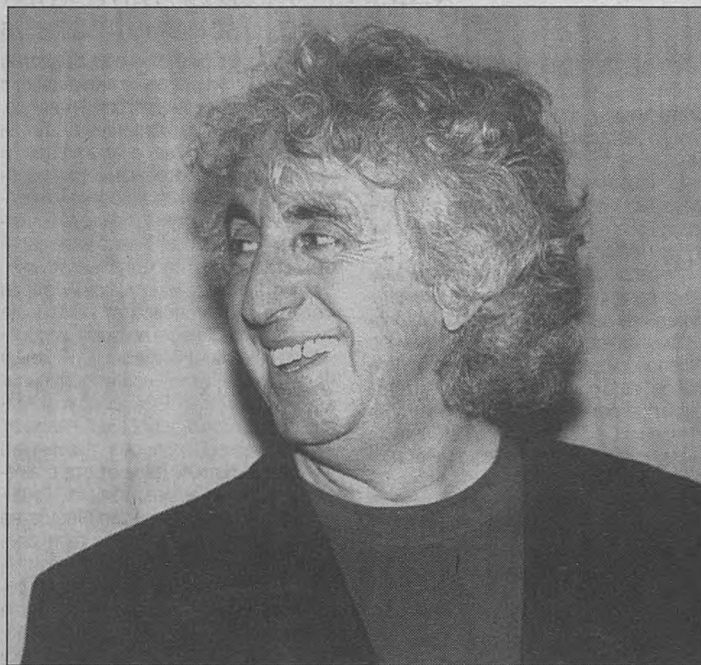
— Логичной была бы проза — вы же написали сценарий...

— Но у меня же была еще и тяга к театру, я работал в театре — пусть и в кукольном, из года в год пытался поступить в театральный институт. Я любил кино — а кто его не любил? Вот тогда и написал я первый свой сценарий — но посчитал его графоманством и никому не показал. Вторая попытка была, когда я учился на втором курсе Института культуры. Это случилось накануне 8 Марта. Хотелось что-то эдакое подарить Галочке — моей будущей жене. И я решил написать что-то. И так увлекся, что не мог остановиться. И эту юношескую шутку, опус, ничего в ней не изменив, через 16 лет поставил в Современнике Роман Виктюк под названием "Стена".

— Но это было 16 лет спустя. А тогда как развивались события?

— Я подарил рукопись Гале, и стали ее читать в институте. Она попала к моему педагогу Галицкому. Он страшно удивился и дал ее почитать Александру Моисеевичу Володину. И Володин пригласил меня к себе. Мы с Гале приехали к нему. И он сказал: "Все брось, пиши!" И я стал писать. И через некоторое время Володин помог мне пробить мой сценарий "Последний побег" — в картинке, если помните, главную роль играет Михаил Ульянов.

Так что я сначала пришел в кино, а уж потом был театр. Свой первый те-

А. Галин

атральный спектакль я поставил в Театре-студии Табакова по своей пьесе "Дыра". На этот спектакль однажды пришел итальянский артист Лука Барбарески (он потом сыграл жиголо в "Плаще Казановы") и увлекся моей так называемой режиссурой. Что он в ней нашел — загадка, но предложил мне поставить в Риме спектакль с его участием. А затем вдруг сказал: "А может, фильм снимете? У вас есть какая-нибудь история?"

— "Плащ Казановы" был удачным во всех отношениях опытом. Почему не сразу последовало продолжение?

— В современных условиях очень важно быть хорошим менеджером своей судьбы. Я вроде бы многого достиг — совершил путешествие из инструментального цеха и из-за ширмы кукольного театра на съемочную площадку в Венеции и на сцены лучших, крупнейших театров мира с выдающимися режиссерами, но это произошло как бы само собой. Мне все легко давалось. Как правило, мне звонили из театров: а нет ли у вас чего новенького? В жизни своей я никогда не писал по заказу, по контракту. Никогда не занимался организацией своих проектов, добытием денег. Считал, что каждый должен заниматься своим делом. Наверное, поэтому у меня только два фильма, хотя в портфеле ждуть своего времени несколько сценариев.

— О чем они?

— Окрыленный успехом "Плаща Казановы" я написал сценарий "Аномалия" — о российской армии, на материале из жизни далекого северного гарнизона. Туда приезжает кукольный театр...

— Реальная история?

— Я придумываю истории, но что-то, конечно, приходит из жизни. И поскольку "Аномалия" оказалась невостребованной, я по этому сценарию поставил спектакль в Современнике. У меня есть сценарий "Пострадавший", который я очень хочу поставить и скорее всего поставлю — в театре, если не получится в кино. Это очень смешная и очень грустная история про одного актера, который эмигрировал. Ему предло-

жили сыграть роль — но не на сцене, а в жизни...

— Когда мы с вами встречались на съемках "Плаща Казановы", вы производили впечатление очень увлеченного, влюбленного в кино человека...

— Признаться: кино я люблю не менее, чем театр. Мне всегда хотелось и хочется снимать кино... Есть истории, которые в пьесе ли, в сценарии ли — не важно, не раскрыты до конца. Во мне продолжают жить какие-то интонации, мысли, которые не удалось по-настоящему выразить. Почему из пьесы "Чешское фото", я ее написал в середине 90-х, родились сначала сценарий, а затем и фильм "Фото"? Потому что интонация этой пьесы, эта история жили во мне и до сих пор живут. Были и другие причины. Артисты очень хотели, чтобы я снял фильм, особенно Александр Калягин. Он и Караченцов играли эти же роли в моем спектакле в Ленкомме. Но, повторю, я бы ни за что не взялся за фильм, если б меня не тянул этот материал, эта не разгаданная мною до конца какая-то мистическая тайна.

Очень часто великие произведения искусства — "Дорога" Феллини или "Кукушка" Формана, "Огни большого города" Чаплина или германовская "Проверка на дорогах" — столь просты и столь бездонны. И в то же время наши киноавангардисты — некоторые — столь сложны и столь пусты... Вот в моей истории — чрезвычайно простой — есть одна важная загадка, которой я хотел поделиться. Раньше мы жили как бы в мире нетленных ценностей. Нам казалось, что без этого человек не может существовать. Прошел довольно короткий исторический отрезок времени, совсем ничтожный, и все стало совершенно другим. Идет тяжелый, трагический процесс расставания с иллюзиями, и этот процесс есть в моей истории.

Расставание с иллюзиями очень хорошо прослеживается на примере творчества Шекспира. Его ранние пьесы полны жизни, полны веселья, полны энергии. Поздние вещи — трагедии. Они — словно прощание с иллюзиями молодости. И разочарова-

ние во всем. В самых простых человеческих связях. Я взялся ставить фильм, потому что не расстался со своими иллюзиями.

В чем суть истории, рассказанной в "Чешском фото"? В том, что эти люди нашли идеал женщины, обнаженной женщины, и зафиксировали его на фотографии. Из-за этого им пришлось страдать, сидеть в тюрьме. Потом один человек перестал верить в то, чем раньше жил, другой — не перестал. Первый ко времени предварительного подведения итогов своей жизни добился огромного житейского успеха, второй превратился в городского сумасшедшего, идиота.

— И тот и другой остались в проигрыше...

— Не знаю, не знаю...

— Насколько реальна эта история?

— Эту я придумал. Но я знаю, что подобные истории были.

— Не верится, что из-за фотографии в чешском журнале были изломаны судьбы трех человек, что один из них оказался в тюрьме...

— Да на эту тему нечего и говорить. В Советском Союзе могли, и в России могут посадить ЗА ВСЕ.

— Лично я увидел в вашем фильме много достоинств. И прежде всего то, что в нем есть что играть, и актеры, особенно Калягин, ну просто наслаждаются этим. Но от своих коллег слышал упреки в некой театральности зрелища, мол, по сути, это спектакль, усиленный современными техническими возможностями кинематографа. Что вы на этот счет скажете?

— А я считаю, что в фильме "Фото" недобрал по части театральности. Эта история не могла быть рассказана киношным, реалистическим образом. Это не жизнь! Там есть жизнь в привычном смысле этого слова — начало и конец. Вышел из тумана человек, как из тумана времени, что-то его толкнуло, и... он придумал театральную жизнь, которую ненавидит. Причем придумал не драматический спектакль — придумал оперу! Поэтому он посадил на берегу у корабля симфонический оркестр. И диалоги хорошо бы было спеть. Это было бы чрезвычайно условно — но ведь и в жизни главные герои фильма занимались крайне условным делом! И самая главная условность — условность героини, которая должна прийти. Представляете, если б она — прототип идеальной женщины, а теперь потрепанная жизнью шестидесятилетняя обыкновенная провинциалка пришла? В фильме все время появляются женщины — этого нет в пьесе. "Девочки", знакомые из юности, и потом женщина — "свисток" — как кульминация ожидания. И все время в воздухе висит вопрос: почему Светлана Кушакова — юная, нежная, волшебная, одарившая этих двух талантливейших людей озарением, ставшая в их представлении идеалом, такой и не осталась? Почему так устроена жизнь? Остановись, мгновенье, — ты прекрасно! Кто виноват в такой страшной несправедливости? И звучит волшебная музыка Чайковского — Пятая симфония — расставание с иллюзиями...

Беседу вел
Геннадий БЕЛОСТОЦКИЙ
Фото автора